

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ ОБОРОНЫ НИЗОВЬЕВ И УСТЬЯ Р. АМУР В 1906–1914 гг. Часть 1. Комиссии при Особом Совещании Совета государственной обороны

На материалах Государственного архива Российской Федерации впервые в отечественной историографии исследуется история разработки проектов обороны низовьев и устья р. Амур в 1906–1914 гг. Изучена проблема обороны этого района как вспомогательного театра военных действий ожидавшейся новой войны с Японией. Рассмотрена деятельность Особого Совещания при Совете государственной обороны и созданных при нем специальных комиссий для разработки «подвижной» и «неподвижной» обороны р. Амур. Введены в научный оборот данные об уникальных идеях по фортификационному строительству около Хабаровска, Николаевска и Софийска.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; р. Амур; Николаевская-на-Амуре крепость; Совет государственной обороны; Русско-японская война 1904–1905 гг.; И.М. Диков; А.П. Вернандер.

Оборонительное строительство играло важнейшую роль как в истории русской императорской армии, так и в судьбе Российской империи в целом. Инженерная подготовка будущих театров военных действий часто оказывала огромное влияние на формирование концепций обороны страны и на мобилизационные планы; влияла на ход боевых действий и определяла поведение не только потенциального противника, но и реального. Для Дальнего Востока хрестоматийным примером является история крепости Порт-Артур и ее героической обороны, существенно повлиявшей на ход Русско-японской войны 1904–1905 гг. [1; 2. Т. 8, ч. 1–2], менее известным – история Владивостокской крепости, благодаря существованию которой Япония была вынуждена отказаться от первоначального плана кампании, предусматривавшего после падения Порт-Артура дальнейший удар по Южно-Уссурийскому краю и Владивостоку, и напасть на практически беззащитный о. Сахалин [3. Ч. I. С. 204–281, 357–359; Ч. IV. С. 363–364].

При этом если история Порт-Артура изучена сравнительно неплохо – исследователи обращались и обращаются к проблеме обороны крепости не только в специальных работах [1], но и практически в каждом обобщающем исследовании по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг., от официальных дореволюционных [2. Т. 8, ч. 1–2] до новейших современных [4. С. 134–139, 196–211, 239–279, 287–283; 5. С. 8–251], а Владивостокская крепость вообще является в настоящее время одной из самых хорошо исследованных крепостей Российской империи [3], то история еще одной крепости – Николаевской-на-Амуре – остается практически неизвестной даже узкому кругу специалистов по истории фортификации и истории русского Дальнего Востока. Работы о ней практически полностью отсутствуют, если не считать статьи И.А. Самарина [6. С. 79–96] и нескольких докладов на конференциях М.И. Горновой, научная ценность которых, с учетом представлений автора о военной истории, близка к нулю [7. С. 366–375; 8. С. 24–29]. Последнее наглядно иллюстрируется первой же фразой одного из указанных докладов: «Николаевская-на-Амуре крепость класса река–море...», в которой автор присвоила крепости класс... судна (!), используя терминологию, совершенно не применимую и недо-

пустимую при исследовании истории фортификации [7. С. 366–375].

В то же время Николаевская крепость являлась одной из двух крепостей находящихся на территории созданного в 1884 г.¹ Приамурского военного округа [9. С. 261, 361] и имела важнейшее значение как объект, предназначенный для обороны устья и нижнего течения р. Амур от возможной атаки неприятеля и входа кораблей противника в реку, которая и после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали продолжала еще долго оставаться важнейшей транспортной артерией, причем не только гражданской, но и военной. Написание качественной истории Николаевской крепости за весь период ее существования потребует серьезных архивных изысканий и кропотливой аналитической работы.

В данной статье будет рассмотрена лишь проблема разработки проекта организации обороны низовьев и устья р. Амур в 1906 г. в комиссиях при Особом совещании Совета государственной обороны (СГО), легших в основу всей концепции обороны устья и нижнего течения этой реки накануне Первой мировой войны. Следует отметить, что исследование этой проблемы дает возможность на богатом фактическом материале раскрыть еще и слабоизученные к настоящему времени механизмы функционирования различных вспомогательных органов, формировавшихся при СГО для решения конкретных задач по обороне государства.

Сам СГО был достаточно оригинальным учреждением, существовавшим в 1905–1908 гг. и созданным под влиянием неудач Русско-японской войны 1904–1905 гг. для разработки вопросов реорганизации Вооруженных сил Российской империи, объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений. СГО, во главе которого стоял великий князь Николай Николаевич-мл., подчинялся напрямую императору [10. С. 204–205; 11; 12]. Однако если эффективность самого СГО представляется весьма сомнительной [13. С. 132; 14. С. 189–190; 15. С. 12–13, 15–17, 145–147; 16. С. 419–423], то польза от экспертной работы, проделанной в различных особых совещаниях при этом органе, была несомненной. Более того, в отношении некоторых годами об-

суждавшихся до этого оборонительных проблем был проделан такой колоссальный объем работы, что результатом принятых на их основе решений были проекты обороны некоторых важнейших, со стратегической точки зрения, районов дальневосточных территорий империи.

Крупных проблем, связанных с укреплением обороны российского Дальнего Востока, было несколько: общее увеличение численности войск на территории Приамурского военного округа, радикальное усиление Владивостокской крепости, решение проблемы обороны о. Сахалин, часть которого страна потеряла по итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг. как раз из-за нежелания Петербурга тратить на его защиту, и проблема обороны низовьев и устья р. Амур. В СГО они обсуждались неоднократно, как минимум 11 марта 1906 г., четыре раза в феврале 1907 г. и 5 марта 1907 г. [17. С. 329–332]. Последней проблеме было уделено большое внимание, и после первого ознакомления с ней СГО Постановлением от 5 июня 1906 г. решил: «Признать неотложно необходимым сильно обеспечить оборону низовьев Амура с целью преграждения противнику доступа в реку, для чего создать в наиболее соответствующих местах укрепленные пункты и развить в должном размере все необходимые средства для подвижной и неподвижной обороны нижнего течения и устья Амура» [18. Л. 2]. Для разработки этого вопроса рекомендовалось образовать при СГО Особое Совещание. 21 июня 1906 г. Николай II утвердил данное постановление, после чего проработкой проблемы занялись уже в этом органе, который возглавлял член СГО и будущий морской министр генерал-адъютант адмирал И.М. Диков [Там же. Л. 2, 18].

Работа Особого Совещания СГО ярчайшим образом проиллюстрировала все так или иначе имеющее отношение к дальневосточным территориям империи проблемы: от внешнеполитических до географических. При обсуждении современного политического положения в Совещании исходили из того, что «мир в Портсмуте 1905 года остановил кровопролитие, но не остановил враждебных по отношению России действий Японского правительства. С огромными жертвами, настойчиво и в высшей степени планомерно, Япония стремится упрочить свое положение на материке и отбросить нас от берегов Тихого океана назад в Сибирь, к границам Нерчинского договора. В основу прошлой войны Япония положила точное знание наших сил на Востоке и объявила ее именно в тот момент, когда она была к этому наиболее готова, а мы готовы не были. Трудно ожидать, чтобы она не приняла во внимание наше настоящее тяжелое положение, не воспользовалась им для того, чтобы добиться осуществления своих стремлений. Японское правительство отлично сознает, что через 5, много – 10 лет Россия оправится совершенно и тогда борьба с ней Японии будет не под силу, и несмотря ни на какое напряжение народных сил. В виду этого она систематически готовится к предстоящей борьбе, стремясь, по возможности, сократить срок своих приготовлений. Целый ряд требований предъявляется Русскому правительству, в числе их одно из наиболее важных по отношению обороны Амура, домогательство пла-

вания Японских коммерческих судов по Сунгари с несомненной целью впоследствии распространить это право на Амур и подготовить этим важные водные артерии на будущем театре военных действий» (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены) [18. Л. 2 об.]. По сути, эта оценка была верна, но текущее экономическое положение страны восходящего солнца, которая провела войну в значительной степени за счет внешних займов, она не учитывала. От продолжения экспансионистской политики в Японии не отказывались, однако быстрого продолжения войны ждать не приходилось – истощенному войной маленькому островному государству все-таки нужна была передышка. Активная же внешнеполитическая деятельность была вызвана как желанием получить от ослабленной войной и революцией России максимальные уступки где только возможно, так и реанимировать политику власти в глазах общественного мнения, категорически недовольного не оправдавшим надежд Портсмутским мирным договором [19. С. 27, 111–117, 137–138].

В Японии правильно оценили то, что понимали и на Совещании: «Минувшая война окончилась для нас потерей нашего значения на Дальнем Востоке, как первоклассной державы и уступкой сравнительно ничтожной части Сахалина». Прогнозы дальнейшего развития ситуации в этом направлении были для России мрачными: «Неудача будущей войны грозит нам потерей Приморской Области, Сахалина, Камчатки и, главное, Владивостока – этой единственной базы для нашего будущего флота. С потерей Владивостока для России может окончиться роль первоклассной морской державы, потому что создавать современные броненосные гиганты только для Балтийского моря не оправдывается стратегическими задачами его; отправление же такого флота на Восток будет бесцельно, в виду отсутствия там операционной базы, без которой немыслима ни одна военно-морская экспедиция. В виду этих соображений, оборона Дальнего Востока должна составить для России предмет особой заботы, если только русское правительство желает удерживать его за собою, как базу нашего будущего флота и единственный выход в Тихий океан» (здесь и далее курсив мой. – Р.А.) [18. Л. 2 об.–3]. Другой вывод, представленный в итоговом докладе Николаю II, стал поистине пророческим: «Прошлая неудача вызвала необычайные внутренние волнения в России, чрезвычайно ее ослабившие, вызвала также на наших окраинах в Европе и Ближней Азии резкое проявление крайних автономных тенденций; вторичная неудача грозит целостности Российской империи и низведет ее на положение второстепенного государства» [Там же. Л. 3–3 об.].

На этом фоне не прошел незамеченными для членов Совещания и целый ряд военных реформ, намеченных в Японии еще до приведения армии на мирное положение. Приближался третий срок военных реформ, и 11 (24 по н. ст.) апреля в Токио прошло совещание по реорганизации армии. Из произнесенных там речей наибольшего внимания, по мнению председателя Совещания, заслуживала речь начальника Генерального штаба Японской императорской армии

Кодама Гэнтаро (скончавшегося вскоре после этого в возрасте 54 лет): «Благодаря Вашим стараниям, господа, наша армия пользуется в настоящее время у иностранных держав всеобщим почетом и уважением. Но на основании опыта минувшей кампании, все-таки – мне думается – многое негодное нужно будет отбросить и заменить новым, лучшим. Теперь как раз наступает третий срок реформ, после которого расширение наших сухопутных сил и постановка их на должную высоту будут закончены. С четвертого года Мейдзи (1871) у нас введена *всеобщая воинская повинность* и тогда же решено было развернуть и усовершенствовать нашу армию в три срока. Первый срок наступил в 14-м году Мейдзи (1881); с этого времени мы стали *развертывать существовавшие до того бригады в дивизии*. Опыт оказался удачным как это показала Японо-Китайская война (1894–1895 гг. – Р.А.). По окончании последней наступил второй срок реформ, во время которого мы стремились *поставить военные знания нашей армии на должную высоту*. Опыт минувшей войны оправдал наши ожидания. Теперь-же, в настоящий момент, нам нужно еще более развернуть и усилить нашу армию. С будущего года эта армия вступает в свой зрелый возраст и должна обнаружить всю свою энергию и деятельность соответствующую этому возрасту. **Хотя наружно мы и заключили теперь мир с Россией и опять вступаем с ней в дружеские отношения, но в действительности мы остались врагами. Помните, господа, что Россия для нас непримиримый враг**». Более того, по данным разведки, на этом же заседании решили, что военная политика Японии должна вестись с целью «окончательного удаления России с побережья Тихого океана вглубь Сибири» [18. Л. 3–3 об.].

В этой ситуации дыры в оборонительной системе империи на далекой окраине нужно было срочно латать, тем более что стратегическое положение России в регионе значительно ухудшилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг. По мнению участников Совещания, в грядущей кампании на стороне противника оказывались два главных преимущества: свобода десанта в любое время и в любом пункте и огромные местные продовольственные средства густо населенной Южной Маньчжурии. «При такой обстановке не только исход самой борьбы, но даже фактическая для нас возможность вступить в таковую будет всецело и исключительно зависеть от того, в каком положении окажутся к тому времени **Сибирская, Забайкальская, Амурская и Китайская железные дороги**» [Там же. Л. 3 об.]. По-видимому, главными операционными направлениями противника в будущей войне считались: 1) Порт-Артур – Мукден – Харбин; 2) Сасебо – Владивосток – Никольск, и вспомогательным: 3) Сахалин (Япония) – Низовья Амура. Причем считалось, что хотя операции японцев в направлении Сахалин – Амур и будут второстепенными, но можно быть уверенным, что для их ведения будут назначены достаточно сильные, и сама операция будет разработана не менее детально, чем главная, поскольку «овладение неприятелем устьем Амура, даже независимо от предоставления ему господства над побережьем и прилегающей местностью, – открывает ему доступ к

Хабаровску, и дальше приведет к легкому захвату всего края вверх по течению реки, что во многих отношениях принесет нам материальный и моральный ущерб, и *прервет окончательно связь Уссурийского театра военных действий с Империей и даст возможность противнику действовать в тыл войскам, обороняющим Южно-Уссурийский край, что поставит их в весьма тяжелое положение*. Самый захват Амура может быть выполнен противником или *атакой открытой силой его устья* или же *одним из обходных путей* – через заливы Счастье или де-Кастри, или же следуя долиной реки Чоми через Богородский перевал» [18. Л. 3 об.–4].

Все обходные операции в этом крае, при полном отсутствии хорошо устроенных путей сообщения, считались чрезвычайно тяжелыми, и, «надо думать, что противник решится их предпринять в случае крайней необходимости и безвыходного положения, вследствие невозможности выполнить прямой захват Николаевска и устья Амура». Вообще, ведение военных действий в Приамурье было возможно только в течение 4–5 летних месяцев, во время навигации по р. Амур. Время распутицы, весной и осенью, исключало даже возможность каких-нибудь операций по причине отсутствия путей сообщения, а зимой – из-за сурового климата. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. были и перевозки на о. Сахалин, и отправление партий запасных, но лишь единичные случаи. По этой причине Совещание заключило, что «подготовка к экспедиции противник постарается сделать *в течение зимнего периода, с расчетом начать военные действия весной насколько возможно ранее, чтобы успеть отрезать наши войска на Южно-Уссурийском театре войны от главных сил и постараться закончить операции до осени, и этим избежать необходимости вести тяжелую зимнюю кампанию в Приамурском Крае*. При избытке в живой силе, в особенности в первое время по объявлении войны, надо думать, что Южно-Уссурийский край будет наводнен Японскими войсками, которые, не останавливаясь ни перед какими потерями и жертвами, поставят главной целью утвердиться в Крае до наступления осени» [Там же]. Поэтому оборону нужно было продумать очень тщательно.

Вот тут-то и выяснилось, что в Петербурге до сих пор даже географии региона толком никто не знает! Пришлось «сознаться, что, несмотря на то, что мы этим краем владеем уже пятьдесят лет, мы знаем о нем слишком мало». В распоряжении Совещания имелись отдельные съемки, промеры, исследование различных районов этой местности разными министерствами, главным образом Министерством путей сообщения, но не было карт, «достаточно подробных, чтобы можно было с уверенностью ввести важный элемент подробного знания края в дальнейшие соображения Совещания по его защите. Во всяком случае, все, что возможно было получить в этом отношении, Совещанием было получено и принято во внимание при разработке плана защиты» [Там же. Л. 4 об.].

В результате при разработке плана обороны низовьев и устья р. Амур пришлось оперировать самыми общими данными, даже при описании гидрографиче-

ских условий этой реки: «Река Амур, начиная от Хабаровска, течет на северо-восток, иногда несколькими, иногда одним рукавом, ограничиваясь с правой стороны горами, спускающимися к реке крупными скатами, и с левой – обширной болотистой низиной, заливаемой высокими водами и изобилующей речками и озерами. Против селения Малмышского, в Амур впадает протока из самого большого озера в бассейне Амура “Болен-Оджал” (1 200 кв. верст). Озеро имеет 60 верст в длину, питается несколькими речками и представляет собой одно из запасных водохранилищ, поддерживающих уровень воды нижнего Амура в малую воду (бар реки Амур. Инденер П.П. Чубинский стр. 121 [20]). Обстоятельство это может играть некоторую роль в случае *вопроса искусственного обмеления самого Амура*. От селения Средне-Тамбовского, Амур течет то в крутых и гористых берегах узким и глубоко руслом, то расширяется и окаймляется опять же болотистой местностью по своему берегу. У селения Софийска река разбивается на две протоки – Мариинская и Старый Амур, из которых русло Старый Амур более глубокое. В 90 верстах от устья в Амур *вливается река Амгунь*, настолько судоходная, что на протяжении 100 верст от ее устья по ней могут ходить суда с углублением более 6-ти футов. В 60 верстах от Николаевска в реку впадают с левой стороны протоки из озер Орел и Чля. От Хабаровска до Николаевска река имеет ровную глубину за исключением 16-ти перекатов, из которых только три имеют сравнительно малую глубину – 11 футов в самую низкую воду. *В общем можно предположить, что суда с осадкой 12 футов могут беспрепятственно плавать от Николаевска до Хабаровска и за редкими исключениями даже до устья реки Сунгари. Как ниже будет приведено, эта же осадка допускает плавание по обоим фарватерам в лимане Амура – северному и южному*» [18. Л. 4 об.–5].

Точных карт с глубинами озер Кизи, Када, Орел и Чля в распоряжении Совещания вообще не было, а источником сведений по этому вопросу стал... бывший начальник управления водных путей Амурского бассейна, генерал-лейтенант А.А. Березовский! По его словам, как в оз. Кизи, так и в протоке было возможно плавание судов с осадкой 4 фута. Далее участники Совещания констатировали, что «судя по картам река Амур вливается в Татарский пролив двумя руслами. Однако, по заявлению местных жителей, по характеру распределения удельных весов и температур, по количеству вытекающей из Амура воды, а также по плаванью японских шхун нужно думать, что кроме вышеуказанных двух фарватеров *имеются и другие, нам не известные*. Вообще говоря, имеющихся сведений о состоянии наших фарватеров далеко не достаточно и необходимо произвести более тщательное и полное гидрографическое исследование Татарского пролива, которое, несомненно, откроет еще много нового и важного для мореплавания» [Там же. Л. 5]. Предположения, не основанные на точном знании фактов, приводили к серьезным ошибкам, ибо на самом деле фарватеров было именно два. Иными словами, знания по этому вопросу в петербургских канцеляриях остались примерно на уровне открытий Г.И. Невельского более чем полувековой давности!

Дальнейшее описание фарватеров было приведено по работе П.П. Чубинского [20], на основании данных которой был сделан вывод, что если бы потребовалось углубление одного из фарватеров, то предпочтение следовало бы отдать северному, тем более что замерзал он позже. Причем, нужно было иметь ввиду следующее: «Первым замерзает южный бар и затем уже лед переходит в устье Амура и северный фарватер. Весной картина меняется и первым, годным для навигации, делается северный фарватер». Средняя продолжительность навигации была определена примерно в 120 дней, с мая по сентябрь включительно. Обычно первое судно приходило в Николаевск в первых числах июля, а последнее уходило в первых числах октября [18. Л. 5 об.]. Существенно осложняло разработку обороны района и то, что оба амурских фарватера соединялись «между собою третьим – Сахалинским, который, по мере поднятия своего на север, становится все глубже и глубже: у пролива Мамия-Ринза (в настоящее время пролив Невельского. – Р.А.) он имеет 18 фуг, а при выходе в Охотское море 54 фута». Это делало возможным переход из залива Де-Кастри в Николаевск по Сахалинскому фарватеру с переходом на северный [Там же].

Впрочем, описание фарватеров в докладе было хотя и не очень подробным, но в целом верным. Куда более общими были представления о заливах Счастья, Де-Кастри и местности к северу от последнего, причем базировались эти представления практически исключительно на «Люции северо-западной части Восточного Океана» [21], а р. Амгунь была известна им только по тринадцатому выпуску «Материалов для описания русских рек» [22].

Таким образом, информация о важнейшем со стратегической точки зрения заливе Де-Кастри, который нужно было подготовить к обороне в первую очередь (это было сделано уже в советское время), исчерпывалась тем, что он и ряд небольших бухточек по обе его стороны гораздо более удобны для высадки, чем залив Счастья. «Небольшое расстояние от озера Кизи (25 верст), с перевалом небольшой высоты и возможностью попасть из озера в Амур при помощи протоки, отсутствие волнения при южных ветрах, – все это заставляет думать, что эта местность будет выбрана неприятелем, как вспомогательная операционная линия, если ему не удастся попасть в устье Амура. Залив со всех сторон окружен высокими горами, склоны которых доходят до залива образуя крутые скалистые берега, большей частью умеренной высоты, покрытые вплоть до самого моря густым гнилым тонкоствольным еловым лесом. Подмываемые снизу приливами и отливами и разрушающиеся атмосферными осадками и морозами, берега залива постоянно обваливаются и образуют покрытые камнями отмели, иногда отходящие на значительное от берега расстояние. Весь берег изрезан мелкими бухтами. <...> С Апреля по Сентября дуют SO ветра, приносящие столь густые туманы, что войти в залив можно только будучи очень хорошо знакомым с его бухтой. Лед в бухте наносной. Он становится в начале Декабря, а расходится в первой половине Апреля, но бывали случаи, что он расходился во второй половине Марта. Севернее залива

де-Кастри имеется группа островов Чакмут, вблизи которых впадают реки Чоми и Тыми, которые имеют значение в том отношении, что через них лежит *удобный и кратчайший выход на берег реки Амура к селению Богородскому*, по единственному топографически исследованному перевалу, не более 65-ти верст протяжением» [18. Л. 6 об.]. Без точных карт и географических описаний даже обсуждать необходимые меры по обороне Де-Кастри было нельзя.

Трагичная по сути ситуация с отсутствием знаний географии столь важного региона имела вполне зримые практические результаты – начало масштабных топографических работ на р. Амур. Уже в 1907 г. Окружной военно-топографический отдел Приамурского военного округа провел тригонометрические работы в Уссурийском крае и по р. Амур для обеспечения «опорными пунктами двухверстных съемок». Тогда же была снята в полуверстном масштабе часть окрестностей г. Хабаровск, произведена двухверстная и маршрутная съемка на р. Амур [23. С. 29–30]. Активные работы по картографированию этих территорий продолжались и в последующие годы. Даже 4 года спустя, в 1912 г., отдел проводил инструментальные съемки в двухверстном масштабе на правом берегу р. Амур и в районе крепости Николаевск [24. С. 20], там же велись и топографические работы. Геодезические работы заключались в «проложении первоклассной сети на север от Хабаровска, вдоль реки Амура и вдоль берега Тихого океана... в проложении второклассной сети в Южно-Уссурийском крае по побережью Тихого океана – на левом берегу Амура и по побережью Татарского пролива на правом берегу, а картографические работы заключались в составлении 40-верстной карты Амурской области [24. Приложение № 2 Отчет ГУГШ С. 35–36]. Однако все это было уже после.

В 1906 г. именно на описанных выше зыбких основаниях и пришлось подготовить «Общие соображения об организации обороны», а затем и весь план, пока не были закончены срочные военно-топографические работы. Анализ всех собранных как комиссиями, так и самим Совещанием материалов ясно показывал, что в данном случае «никоим образом не представляется возможным ограничиться в отдельности **одной сухопутной обороной**, или обороной водного пространства **при помощи речной флотилии**, а для более полного решения вопроса должна быть применена **и та и другая**. Строго говоря и применение вышеуказанных мер не может считаться обстоятельным решением вопроса. Защитить не только устье Амура, но и все Восточное побережье может **только линейный флот по силе, превосходящий флот нашего будущего противника**. Все другие способы защиты, по сравнению с этим, могут считаться только **полумерами**, и прибегать к сим заставляет только **безвыходная необходимость**» [18. Л. 7–7 об.]. Принимая во внимание, что новая война с Японией может вспыхнуть также неожиданно, как и прошлая, и что «оставить нашу дальнюю окраину без защиты» нельзя ни в коем случае, Совещанию «оставалось решить вопрос, как же организовать эту защиту по возможно-

сти в кратчайший срок с наименьшими затратами, при условии наибольшей ее действительности».

Таким образом, вопрос о создании линейного флота отпал сам собой. Совещание ограничилось более скромной программой защиты устья реки, ее берегов и некоторых пунктов соответствующими укреплениями, а водного пространства и берегов – «флотилией соответствующего числа, которая могла бы бороться с судами противника» [18. Л. 7 об.].

Далее, чтобы выяснить какие суда, с каким вооружением японского и китайского флотов (а военные расчеты строились исходя из вероятности союза этих государств) могут войти в устье р. Амур, Совещание попросило представителя Морского генерального Штаба дать справку [Там же]. Кроме того, последовало формирование нескольких комиссий: комиссии при Особом Совещании, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре, под председательством того же И.М. Дикова, из представителей флота и генерал-лейтенантов: А.П. Протопопова, А.А. Березовского и генерал-майора К.И. Величко, и об организации сухопутной обороны низовьев р. Амур под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера (в составе всех членов Особого Совещания военно-сухопутного ведомства) [18. Л. 7 об., 18, 27]. Каждая из них должна была проработать определенную группу вопросов и предоставить журнал со своими выводами в СГО. На основании этих журналов был выработан итоговый весьма секретный «Доклад об организации обороны низовьев реки Амура» от 22 декабря 1906 г. (в фондах ГА РФ сохранился экземпляр № 16), в качестве приложений к которому были отпечатаны: «Журнал Комиссии при Особом Совещании, под председательством генерал-адъютанта Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре. Заседание 2-го ноября 1906 года» (Приложение № 1), «Журнал № 8 Особого Совещания при Совете Государственной обороны, под председательством генерал-адъютанта Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре. Заседание 20-го ноября 1906 года» (Приложение № 2) и «Доклад Председателя Комиссии при Особом Совещании Совета Государственной обороны об организации сухопутной обороны низовьев реки Амура» от 10 ноября 1906 г. (Приложение № 3), «Проект бронированных лодок Путиловского, Невского и Сормовского заводов» и «Атлас плавучих средств Путиловского, Невского и Сормовского заводов», а также карты (масштаб 40 верст в дюйме) с примерным указанием кружками расположения предположенных к строительству объектов [18. Л. 1–2, 17–21, 22–23 об., 24–27, 28].

Положительную роль в работе сыграла тесная координация Военного и Морского министерств, поскольку оборону устья р. Амур можно было вести только совместными усилиями армии и флота, а значит, и проект этой обороны необходимо было разрабатывать совместно. Сработала концепция, заложенная изначально в СГО при его организации, – иметь орган, координирующий решение вопросов повышения обороноспособности империи, в целях снижения трений между отдельными ведомствами (военным,

морским, финансов и иностранных дел) и повышения оперативности работы [11; 15. С. 12–13]. Это был один из немногих случаев, когда заложенную в СГО концепцию удалось с успехом реализовать на практике, не превратив дискуссию в сплошное препирательство и скандал, как в случае с обсуждением вопроса об усилении Владивостокской крепости [3. Ч. 2. С. 38–41]. Координация прослеживается уже по составу участников комиссии при Особом Совещании, под председательством генерал-адъютанта И.М. Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре, в заседании 2 ноября 1906 г., где присутствовали председатель генерал-адъютант И.М. Диков и члены: генерал-лейтенанты А.А. Березовский и А.П. Протопопов, генерал-майор К.И. Величко, капитаны 1-го ранга А.Ф. Гейден и М.В. Бубнов, капитаны 2-го ранга К.И. Дефабр и М.М. Римский-Корсаков (3-й), подполковник В.А. Штенгер. Таким образом, во «флотскую» комиссию вошли не только представители флота, но и некоторые члены Совещания, могущие быть полезными при рассмотрении вопроса о подвижной обороне [18. Л. 18].

Осенью 1906 г. комиссия занималась сбором необходимых материалов и проработкой вопроса, причем в основу работы были положены несколько основных стратегических соображений: «Овладение неприятелем устьев реки Амура, даже независимо от предоставления ему господства над побережьем и прилегающей местностью, облегчит доступ ему к Хабаровску и дальше приведет к легкому захвату всего края вверх по течению реки, что во многих отношениях нанесет нам материальный и моральный ущерб, прервет окончательно связь Уссурийского театра военных действий с Империей и даст возможность противнику действовать в тыл войскам обороняющим Южно-Уссурийский край, что поставит их в тяжелое положение.

В виду географических условий низовья Амура, захват его может быть выполнен противником одним из нижеследующих способов: 1) прорывом флота к устью реки, 2) высадкой десанта в заливе де-Кастри и, пользуясь дорогами через перевал, завладением Мариинска и Софийска, 3) высадкой войск на севере в заливе Счастья и в близи лежащих местностях, 4) или же следуя долиной реки Чони через Богородский перевал. Однако, три последних операции настолько тяжелы, что, нужно думать, противник попытается их осуществить только в крайнем случае полнейшей невозможности выполнить первую. ...Таким образом главной целью, которую должна преследовать организация защиты устья Амура и его низовьев – ставить противнику препятствие на каждом шагу, задерживая его движение вперед, независимо от того, будет ли оно через устье вверх по Амуру или же по одному из вышеизложенных направлений» [18. Л. 18 об.–19].

Исходя из этого, комиссия пришла к заключению, что подвижная оборона Амура, наиболее отвечающая текущей ситуации и финансовым возможностям, должна состоять: 1) из речной флотилии; 2) плавучих средств, наиболее необходимых для ее обслуживания; 3) баз для снабжения и баз операционных, достаточно защищенных; 4) особого запаса орудий для внезапного для противника вооружения заранее намеченных пунк-

тов; 5) минных заграждений как самой р. Амур и фарватеров Татарского пролива, так и, в случае необходимости, заливов Счастья и Де-Кастри; 6) наблюдательных пунктов и сторожевой службы [18. Л. 19].

Далее комиссии предстояло разобраться в деталях и, прежде всего, хотя бы в общих чертах, с составом предполагаемой речной флотилии. После продолжительных дискуссий было решено, что в составе флотилии нужно иметь: «а) 10 лодок (броненосных) от 3 500–4 000 тонн; б) 4 подводных или водобронных лодки; в) 2 заградителя на 200 мин каждый; г) 2 миноносца, разведчика, которые можно не строить специально для Амура, а взять в Владивостоке» [18. Л. 19]. Лодка типа (а) для Амура, должна иметь артиллерию: два 12-дюйм. орудия в 50 калибров и восемь – 120 мм или четыре – 8-дюйм. также в 50 калибров и восемь пушек 120 мм. Вся артиллерия в башнях. Лодки с орудиями должны быть защищены 6-дюйм. броней по борту на $\frac{2}{3}$ длины судна. Оконечности достаточно защитить 4-дюйм. броней. «Бортовая броня должны быть ниже G.W.L. на 4'». Палуба должна быть забронирована 2-дюйм. броней с утончением ее к оконечности до 1 $\frac{1}{4}$ -дюйм. Броня башен для 12-дюйм. пушек вертикальная 6-дюйм. и крыши – 2-дюйм., для башен 8-дюйм. вертикальная 5-дюйм. и крыши – 2-дюйм., для 120 мм – вертикальная 4-дюйм. и крыши – 1 $\frac{1}{2}$ -дюйм. Комиссия отмечала, что калибр орудий и толщина брони устанавливаются в зависимости от сил предполагаемого противника, а также исходя из последних постановлений Морского технического комитета (МТК) [18. Л. 19].

Особо отмечалось, что «хотя назначение судов – плавание в низовьях Амура и его фарватерах, но они должны быть настолько мореходны, чтобы выходить в Татарский пролив во всякую погоду и настолько прочны, чтобы иметь возможность плавать во время ледохода. Осадка судов не должна превосходить 12 фут. для плаванья по обоим фарватерам Татарского пролива и, при благоприятных обстоятельствах, по Амуру до Сунгари. Суда должны быть поворотливы и иметь якоря и приспособления для их подъема не только с носа, но и с кормы. Скорость хода от 12–14 узлов, район плаванья 2.000 миль экономическим ходом, чтобы суда не нуждались в частых возвращениях к месту погрузки угля или нефти (которая, как топливо, предпочтительнее из-за удобства погрузки). Суда должны иметь хорошие средства для водолазных работ» [Там же. Л. 19–19 об.]. Эти же суда должны были иметь возможность брать на короткий срок (2–3 дня) отряд около роты, к которому при высадке на берег мог присоединяться судовой десант с пулеметами, которые предполагалось иметь вместо десантных пушек. На судах должны были быть 2 скоростных катера (20–25 узлов) для рекогносцировки и дозорной службы и 2 катера, специально приспособленных для траления и очистки фарватеров от мин и снятия минных заграждений. Лодки предполагалось оснастить беспроволочным телеграфом (т.е. радиосвязью), действующим на максимально возможное расстояние [Там же. Л. 19 об.].

Назначение судов типа (а) – «отразить атаку открытой силой, а в случае благоприятных обстоятель-

ств, самым атаковать неприятеля», число их было определено в расчете вступить в бой одновременно на двух выходных фарватерах Амура. Комиссия отмечала, что постройку этого типа судов, «отчасти вследствие их малой мореходности, отчасти вследствие политических соображений желательно выполнить где-нибудь на Амуре, под прикрытием предполагаемых укрепленных пунктов». Что касается расходов, то, по справке МТК, стоимость одной лодки, при постройке ее в Петербурге, должна была составить 3 500 000 руб. [18. Л. 19 об.]. Менее реальной казалась идея со строительством подводных лодок (б), тип которых Совецание «не определяет, но полагает, что такие лодки должны иметь 2 минных аппарата и район надводного плавания 500 миль и подводного 40 миль». По справке МТК, стоимость подводной лодки, при постройке в Петербурге, составляла 400 000 руб. Заградитель (в) должен был иметь возможность поставить безостановочно от 200–300 мин, скорость хода 12 узлов и район плавания 2 000 миль экономическим ходом. Что касается себестоимости, то, исходя из цены черноморского заградителя типа «Буг», такой корабль должен был стоить 500 000 руб. (без мин) [Там же. Л. 19 об.–20].

Прикинув в общих чертах силу и состав речной флотилии, комиссия перешла к решению еще более сложной задачи, а именно к обсужденному вопросу о «плавучих средствах для обслуживания речной флотилии», поскольку какой-либо специальной инфраструктуры для предположенной к строительству флотилии на р. Амур не было. Таким образом, средства эти должны были состоять из: «а) одной самодвижущейся баржи – мастерской для наиболее необходимых ремонтов флотилии в Николаевске; б) двух ледоколов-буксиров, способных буксировать плавучий док или же лодку в 3.500 тонн; в) одной баржи для жилья второй смены подводных лодок на 150 человек; г) плавучего дока в 6 000 тонн из 6 частей, каждая часть должна быть автономна; д) крана плавучего». Примерная стоимость их исчислялась: «а) самодвижущейся мастерской в 2 000 тонн около 1 000 000 руб.; б) двух ледоколов-буксиров типа “Надежда” по 500.000 руб., около 1 000 000 рубл.; в) баржи для жилья 150 человек – 60 000 рубл.; г) одного плавучего дока в 6 000 тонн, около 1 000 000 руб.; д) одного крана подъемного на 100 тонн, около 200 000 руб.» [Там же. Л. 20].

В заключении комиссия указывала, что для действительной обороны устья и низовьев Амура, кроме береговых укреплений, необходимо «...десять речных лодок от 3 ½ до 4 тыс. тонн водоизмещения, вооруженных или двумя 12” и 8–120 мм или четырьмя 8” и восемью 120 мм орудиями; два заградителя и не менее четырех подводных или водобронных лодок, что вместе с перечисленными выше плавучими средствами для обслуживании флотилии, потребует единовременного расхода, при постройке в Петербурге около 40 860 000 руб., кроме устройства баз, на что потребуется, вероятно, еще миллиона два» [Там же]. Впрочем, догадываясь, что столь большой суммы в бюджете империи просто нет и проект все равно придется радикально сокращать, комиссия ниже писала, что средства подвижной обороны на нижнем Амуре

«в случае крайности, представляется возможным уменьшить до 5 броненосных лодок, 2 заградителей и 4 подводных лодок, для чего, не уменьшая вспомогательных и плавучих средств, потребуется, при постройке судов в Петербурге, около 23 360 000 руб., а вместе с устройством баз около 25 млн руб. Такая уменьшенная нижнеамурская флотилия хотя и не вполне обеспечит оборону устья Амура, но, во всяком случае, может, на более или менее продолжительное время, задержать как прорыв неприятельского флота в Амур, так и движение его вверх по реке до Хабаровска» [18. Л. 20].

Еще одной проблемой была доставка кораблей до места службы, что следовало учесть при постройке, «ведь отправление ее океаном нежелательно по политическим причинам, так как Япония может и не допустить флотилию в Николаевск». Стоимость постройки непосредственно на р. Амур была «очень велика вследствие отсутствия сталелитейных заводов и большой цены рабочего труда. Поэтому желательно отправить морем только то, что может быть окончательно собрано в России (орудия, станки, механизмы, котлы и т.д.)». Последний комбинированный вариант был принят за рабочий. Место для верфи гипотетически могло быть выбрано на берегу р. Амур, между селением Верхнее-Тамбовским и Николаевском или в Хабаровске, но здесь были свои тонкости. Первый район был выгоден тем, что «с устройством щита и укрепленных пунктов, он будет защищен от внезапного захвата неприятелем и, стало быть, от разрушения верфи», однако минус его заключался в отсутствии железной дороги, соединяющей его с Европейской Россией и, следовательно, с заводами, вследствие чего подвоз материалов мог производиться только на океанских пароходах в течение 4 летних месяцев навигации по р. Амур. «В остальное время года сообщение этого пункта с Хабаровском будет крайне затруднено, а во время распутицы и совсем прекращаться». Верфь, устроенная в Хабаровске, общалась с Россией при посредстве КВЖД или через Владивосток круглый год. «Но постройки на ней, следствие большого торгового оживления в Хабаровске, скрыты быть не могут, и, стало быть, будут находиться под неперменным наблюдением Японцев». Хабаровск, по мнению комиссии, мог быть после быстрого занятия Южно-Уссурийского края атакован с юга неприятелем, который для этой цели может воспользоваться Уссурийской железной дорогой. «Чтобы избежать разрушения верфи и захвата материалов и судов, придется защищать Хабаровск с юга», – обреченно констатировала комиссия, однако решение этого вопроса решила предоставить особому совещанию при участии всех членов его. Тем же порядком предполагалось обсудить и еще несколько проблемных вопросов [Там же. Л. 20–20 об.].

Еще одна из принятых комиссией мер была чисто практического свойства. Решив проверить, насколько хотя бы теоретически достижимы с технической точки зрения те требования, которые они наметили для кораблей Амурской флотилии, по предложению председателя Особого Совещания комиссия обратилась с техническими заданиями напрямую к судостроитель-

ным заводам с просьбой предоставить соответствующие проекты. В результате некоторыми заводами (Сормово, Путиловский и др.) были представлены эскизные проекты лодок, заградителей, подводных лодок и плавучих средств. «Не беря на себя деятельное рассмотрение проектов, комиссия находит некоторые типы предположенных заводами судов вполне отвечающими тем заданиям, которые были даны ею. Так, эскизный проект однобашенной и двухбашенной лодки Путиловского завода очень хорош и не оставляет желать лучшего как только, чтобы все обещания завода были бы выполнены в предполагаемом водоземещении» [18. Л. 20–20 об.].

Обсуждение продолжилось 20 ноября 1906 г. уже на заседании самого Особого Совещания при СГО по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре под председательством того же И.М. Дикова. В заседании присутствовали: генерал-адъютант И.М. Диков, генерал-лейтенанты А.П. Вернандер, А.П. Протопопов и А.А. Березовский, генерал-майоры К.И. Величко и А.А. Якимович, флигель-адъютант капитан 1-го ранга граф А.Ф. Гейден, капитан 1-го ранга М.В. Бубнов, полковники Л.М. Болховитинов, Г.Н. Данилов и Л.Л. Фриман, капитаны 2-го ранга К.И. Дефабр и М.М. Римский-Корсаков, а также специально приглашенные: генерал-лейтенант П.К. Рутковский (начальник штаба Приамурского военного округа) и подполковник В.А. Штенгер (начальник канцелярии Морского министерства). «В дополнение к постановлению 2-го ноября 1906 года, Особое Совещание рассматривало вопросы по § 3, 4, 5 и 6 вышеуказанного совещания о базах, особом запасе орудий, минных заграждений и об организации наблюдательных пунктов» [Там же. Л. 21 об.–22]. Начали с вопроса о базах снабжения и операционных. При выборе места для этих баз принималось во внимание, что «глубина осадки судов вновь проектируемой флотилии (12 фут.) позволяет выбрать пункт для базы снабжения, т.е. такой, где будут храниться запасы, устроены мастерские и сосредоточены средства для исправления капитальных повреждений судов флотилии, — только в районе между Хабаровском и Николаевском» [Там же. Л. 22–22 об.]. Хабаровск как пункт, лежащий на границе районов предполагаемой деятельности средней и нижней Амурской флотилии, да еще и соединенный с Европейской Россией железной дорогой, представлял большие выгоды, но как главная база для флотилии имел и крупные недостатки, отмеченные выше.

В отношении безопасности базы снабжения Хабаровск значительно уступал пунктам, находящимся между Зеленым Бором и Николаевском, которые, «с постройкой предположенных Совещанием укрепленных пунктов, будут защищены от внезапного захвата неприятелем. Однако отсутствие удобных путей сообщения зимой и во время распутицы, когда, надо думать, на судах флотилии будут производиться наиболее капитальные ремонты, делает эти пункты неудобными и заставило склониться Совещание к выбору места для *базы снабжения где-нибудь вблизи Хабаровска, напр. на Красной речке или другом более удобном месте, при условии, чтобы Хабаровск был*

защищен» [18. Л. 2 об.]. Суда флотилии, по мнению Совещания, тоже было желательно строить где-то вблизи Хабаровска, «причем все требуемые мероприятия и постройка верфи для создания Амурской флотилии должны быть согласованы с предполагаемым устройством здесь главной базы для флотилии» [18. Л. 22 об.]. Следует отметить, что в итоге база флотилии была построена в Осиповском затоне, недалеко от Хабаровска, причем место было выбрано настолько удачно, что она используется по прямому назначению и в наши дни.

При выборе мест для операционной (маневренной) базы Совещание столкнулось с тем, что за почти полным отсутствием портов по бережьям р. Амур и Татарского пролива устройство правильно организованных операционных баз со вспомогательными пунктами и со всеми необходимыми мастерскими, запасами снабжения, минным составом и т.п., т.е. «всем тем, что могло бы понадобиться флотилии для ее приготовления к выходу в море для операций против неприятеля, обошлось бы чрезвычайно дорого и отвечало бы требованиям обороны только устья реки». Принимая во внимание, что ни одна военноморская экспедиция не может, при тогдашнем типе судов, обойтись без операционных баз, Совещание выдвинуло неординарное предложение: «...для этой цели организовать особую плавучую базу, которая, удовлетворяя в известной мере требованиям, предъявляемым операционной базе, могла бы быть установлена на месте, которое начальник флотилии признает наиболее подходящим в данную минуту и при данном общем стратегическом положении». На ней должны были храниться запасы топлива и боевые; иметься мастерские для исправления легких повреждений судов, баржи для жилья определенной части личного состава (вторая смена подводных лодок), т.е. «те наиболее необходимые плавучие средства, которые проектированы Совещанием для обслуживания флотилии» [18. Л. 22 об.–23].

После этого перешли к обсуждению особого запаса орудий «для быстрого вооружения в минуту необходимости избранных пунктов», который тоже было необходимо иметь на р. Амур. Здесь было уже проще, и за образец такого запаса Совещание взяло особый запас, существующий на Черном море, для укрепления необходимых пунктов, когда это потребуются и в самый короткий промежуток времени. По мнению Совещания, такой запас орудий с боевыми комплектами и всеми необходимыми для их установки средствами и личным составом был бы очень полезен для укрепления не только наиболее важных пунктов побережья, но и самой реки, например близ устья р. Сунгари. «Мелководность этой реки не позволит неприятелю создать на ней в мирное время что-нибудь особенно стойкое и сильное и можно быть уверенным, что батареи с 6 дм. орудиями и 48 линейными гаубицами очень затруднят вход в Амур небронированных судов противника. Не указывая числа орудий, калибра их и не перечисляя других принадлежностей особого запаса, что может быть выработано особой комиссией под председательством Начальника обороны нижнего Амура, Совещание считает

необходимым высказать свое мнение, что *особый запас должен храниться на баржах*, приспособленных для загрузки и выгрузки орудий и для жительства на них обслуживающего его личного состава» [18. Л. 23]. Это обеспечило бы максимальную мобильность особого запаса, а значит, и возможность оперативно перебрасывать орудия по реке и вооружать действительно угрожаемые районы, а не всю территорию, что требовало немыслимого количества ресурсов, сил и денег, которых не было. Кроме того, было признано, что для обороны устья р. Амур и подступов к нему, а также для устройства, в случае необходимости, минных банок близ заливов Де-Кастри и Счастья в Охотском море потребуются для двух заградителей не менее 1 500 гальваноударных мин и, скорее всего, мины других типов, используемые «сухопутным ведомством». Совещание признало, что как тип таких мин, так и их количество можно определить только на месте, тем более что в Николаевске уже была минная рота с некоторым имуществом для минных заграждений. Меньше всего проблем было с проектированием устройства наблюдательных пунктов, благо большой опыт в этой области уже был наработан на месте. Наиболее важными пунктами (всего 12) для этой цели признали: бухту Мосолова, залив Де-Кастри, мысы Невельского, Муравьева, Лазарева, Пронге, Табах и Меньшикова, Лангр, Петровское, Николаевск, операционная база, а также сеть по р. Амур. Что касается организации, то ее следовало разработать Начальнику обороны непосредственно на месте [18. Л. 23–23 об.].

Параллельно с морскими работала и «сухопутная» комиссия об организации «неподвижной» обороны низовьев р. Амур под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера. Создали ее несколько позднее «флотской» (по журналу № 5 Особого Совещания СГО от 2 октября 1906 г.), поручив ей разработать вопрос о необходимых мероприятиях военного ведомства для обороны низовьев р. Амур. Комиссия провела как минимум 5 заседаний – 9, 13, 16, 20 и 23 октября 1906 г., по итогам которых в Особое Совещание были представлены 5 журналов этой комиссии (№ 1–5), в которых были опубликованы «решение на заданный вопрос и те мотивы, которые привели комиссию к определенному решению», а также доклад председателя комиссии с изложением сути того и другого. Решающее заседание этой комиссии имело место 10 ноября 1906 г. [Там же. Л. 24].

За отправную точку для принятия своих решений комиссия взяла все тот же п. 3 Высочайше утвержденного положения СГО по вопросу об образовании речной Амурской флотилии от 5 июля 1906 г., а именно: «...3 признать неотложно необходимым сильно обеспечить оборону низовьев Амура с целью преграждения противнику доступа в реку, для чего создать в наиболее соответственных местах укрепленные пункты и развить в должном размере все необходимые средства для подвижной и неподвижной обороны нижнего течения и устья Амура». Однако поскольку Особое Совещание в своем журнале № 4 от 25 сентября 1906 г. «вполне определенно и в положительном смысле выразило свое суждение, как относительно необходимости прежде всего создать заслон на

реке Амуре, ниже Хабаровска, так и относительно необходимости образовать оборону устья Амура для воспрепятствования прорыву неприятельских судов в реку, при условии одновременного применения подвижных и неподвижных средств Военного и Морского ведомств, то комиссия приняла к руководству эти частные решения в дополнение к п. 3...» [18. Л. 24–24 об.].

После многократных обсуждений комиссия пришла к четырем основным положениям, которые и были приняты большинством голосов.

1. На нижнем течение р. Амур и «в прилегающей стране противник разовьет свои операции с целью вообще угрожать Хабаровску в тыл, и, в частности, для захвата устья Амура и нанесения нам этим нравственного вреда; эти операции будут все-таки второстепенные – ибо главное действие противника, направленное к уничтожению нашей армии, разыграется в Южно-Уссурийском крае». Если противником будут японцы, то есть основание думать, что второстепенные операции на нижнем течении р. Амур они проведут энергично и при сравнительно больших средствах. К сожалению, «в виду необходимости быть возможно сильными на главном театре военных действий, а также в силу различных местных условий, нам приходится ограничиться возможно меньшими войсковыми силами для обороны» низовьев р. Амур.

2. Занятие противником устья Амура и прилегающей страны облегчит ему вход флотилиями в реку для дальнейшего движения вверх по Амуру для угрозы Хабаровску. «Занятие Амура могло бы служить целью для противника само по себе, но угроза Хабаровску в тыл представит специальное предприятие, для нас опасное».

3. Для противодействия захвату устья Амура и дальнейшего течения реки как пути сообщения, без которого, по местным условиям, немыслимы операции противника вообще в области нижнего течения р. Амур, достаточно ограничиться обороной собственно течения реки; от обороны же побережья Татарского пролива и отчасти Охотского моря с целью воспрепятствовать противнику сделать высадку и двинуться к Амуру необходимо отказаться на том основании, что «этот способ противодействия вызвал бы постройку на побережье крепостей и укреплений значительных размеров, на значительном расстоянии друг от друга, с прочною связью между ними, что, в свою очередь, потребовало бы значительных живых сил, которыми мы не располагаем, и обусловило бы весьма серьезные денежные расходы. К тому же нет возможности оборонять все места, вероятных высадок на побережье; и хотя ныне указывается на два-три таких пункта, однако, вследствие недостаточного исследования побережья, нельзя поручиться за то, что на длинной его линии не найдутся еще пункты, кроме ныне известных, где возможны высадка и, следовательно, построенные крепости могли бы оказаться бесполезными» [Там же. Л. 24 об.]. Одновременная оборона собственно низовьев р. Амур и побережья Татарского пролива с частью Охотского моря потребовала бы еще больших живых сил и денежных затрат; оборона же нижнего течения р. Амур как необ-

ходимой для противника коммуникационной линии «твердо решает, сама по себе, во всяком случае вопрос о закрытии противнику реки для движения по ней от устья вверх». Причем так как оборона низовьев р. Амур, по Постановлению СГО, должна основываться непременно «на совокупном действии Военного и Морского ведомств, и так как средства Военного ведомства имеют характер более постоянный и устойчивый и лучше могут быть применимы для упорной обороны совершенно определенных в настоящем случае пунктов, средства же Морского ведомства подвижны и не могут быть привязаны к тому или другому пункту берега», то, основывая оборону низовьев р. Амур на совокупном действии средств военного и морского ведомств, было признано необходимым организовать ее в зависимости от средств военного ведомства как главных средств. Средства же Морского ведомства считать хотя и весьма существенными, но вспомогательными. «Такой, вполне определенный взгляд позволяет, для настоящего случая, проектировать систему обороны на совершенно твердых основаниях».

4. Имея в виду, что для указанной обороны собственно течения Амура, в его низовьях, могли быть выделены весьма незначительное количество пехоты и немногочисленная артиллерия, «нельзя ожидать, чтобы общепринятые способы прямого противодействия операциям противника форсировать реку, могли бы привести к благоприятным результатам. Поэтому признано более выгодным принять для обороны такое расположение, при котором ее артиллерия, не ввязываясь в бой на дальних расстояниях с артиллерией неприятельских судов, могла бы, тем не менее, нанести им существенный вред, при стремлении пройти мимо занятых нами пунктов. Этому условию наиболее удовлетворяет расположение так называемых кинжальных батарей, совершенно укрытых от дальнего неприятельского огня и способных, на самых близких расстояниях, верным огнем нанести врагу смертельные поражения». Принимая за основу кинжальную оборону реки, необходимо все прочие средства военного и морского ведомств направить к возможно продолжительному сохранению этой обороны от всяких попыток противника. При этом, в виду весьма незначительного количества войск, охрану кинжальной обороны реки с суши признали возможным возложить, в каждом случае, на вполне самостоятельный долговременный форт, с соответствующим гарнизоном и снабжением, с некоторым количеством «крепостных пушек среднего калибра в бронированных башнях и проч». Речная флотилия своим огнем по судам противника должна была оказывать существенную поддержку сухопутной обороне [18. Л. 24 об.–25].

Укрепить вышеописанным способом было необходимо устье р. Амур у Николаевска, Софийск и Малмыж. Далее комиссия столкнулась с проблемой, к которой на заседаниях СГО пришлось возвращаться неоднократно, а именно с отсутствием надлежащих топографических планов и инженерных съемок местности, что полностью лишало петербургских инженеров возможности разработать адекватные проекты для обороны трех указанных пунктов [Там же. Л. 25–25 об.]. Тем не менее комиссией было признано необ-

ходимым «принципиально наметить» некоторые инженерно-технические решения по каждому пункту. По вопросу укрепления устья р. Амур у Николаевска, «для воспрепятствования противнику войти в реку с необходимыми средствами для дальнейшего движения по Амуру», было предположено:

I. Кинжальную оборону реки у Николаевска организовать в две группы; из них «переднюю» на высоте Чныррах – Таракановка, и «заднюю» на высоте м. Алона. Причем задняя группа признавалась главной, а передняя – вспомогательной. В передней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные 4 пушками Канэ, предполагалось расположить у м. Чныррах, а устройства для мин Уайтхеда (т.е. торпедные аппараты) – на отмели р. Амур, для действия в обе стороны. В задней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные 6 пушками Канэ, предполагалось «расположить у воды, в обрывистом скалистом правом берегу Амура, на супротив Николаевска, а устройства для мин Уайтхеда на мысе Алоне, для действия в одну сторону».

II. На линии передней кинжальной группы расположить три долговременных форта, из них два, «один у Чнырраха и другой у Таракановки, вполне самостоятельные и способные противопоставить наибольшее противодействие с гарнизонами»: первый – на батальон пехоты, а второй – на две роты пехоты. Вооружить форты предполагалось шестью 6-дюймовыми «пушками новейших образцов в броневых башнях; должно быть обращено внимание на обеспечение сообщения фортов с рекою и проч.; а третий форт – на отмели, на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки».

III. На линии задней, главной кинжальной группы, расположить два долговременных форта, из них: один на возвышенном правом берегу р. Амур, приспособленный для наиболее удобного и продолжительного сопротивления с гарнизоном в один батальон пехоты; вооружение его составят шесть 6-дюймовых «пушек новейших образцов в броневых башнях; сообщение этого форта с кинжальными батареями и вообще с рекою должно быть вполне обеспечено». Второй форт – на м. Алоне на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки. Кроме того, чтобы не дать противнику свободно и удобно расположиться в зданиях г. Николаевск, необходимо было иметь возможность обстреливать город и его окрестности достаточно сильным артиллерийским огнем. Поэтому, кроме 6-дюймовых пушек на фортах, «которые при круговом обстреле эту задачу будут в основном выполнять», предполагалось по соседству с кинжальными батареями, напротив м. Алоне, поставить еще до десяти 8-дюймовых мортир из числа уже имеющихся в Николаевске.

IV. На каждом форту иметь всех запасов на один год, и, сообразно с этим и величиной гарнизона, следовало рассчитать число казематированных построек. При детальном проектировании форта надлежало обратить особое внимание на то, чтобы «путем технических средств и правильного расположения построек достигнуть возможно лучших условий жизни для гарнизона, вынужденного, может быть, продолжительное время пребывать в закрытых безопасных от огня помещениях».

V. Во главе гарнизона Николаевской группы укреплений, определенного в 3 батальона пехоты, должно было находиться одно лицо, со званием Коменданта; во главе гарнизона каждой из двух линий – свой начальник, старший из командиров фортов линии, а во главе каждого форта – комендант. Форты и линии «должны были быть связаны между собою подземным и подводным кабелем, всякими средствами для оптического телеграфирования и проч., и, сверх того, подобным же образом с другими укрепленными пунктами на Амуре».

VI. По приблизительному подсчету, стоимость возведения у Николаевска указанных долговременных сооружений, вооружение их артиллерией и минами Уайтхеда со снабжением, а также оборудование половины гарнизона зданиями вне фортов, для жительства в мирное время, должно было обойтись в сумму до 15 млн руб., в том числе: «...три вполне самостоятельных форта с броневыми башнями и проч., исчисляются в $3 \times 3\,500\,000\text{ р.} = 10\,500\,000\text{ р.}$; два речных форта исчисляются в $2 \times 500\,000\text{ р.} = 1\,000\,000\text{ р.}$; артиллерийское вооружение со снабжением в $3\,000\,000\text{ р.}$; мины Уайтхеда с принадлежностями в $250\,000\text{ р.}$; здание на $1\frac{1}{2}$ батальона пехотного гарнизона для жительства в мирное время вне фортов в $250\,000\text{ р.}$ » [18. Л. 25 об.–26].

По поводу укрепления обороны р. Амур у Софийска комиссия решила, что Софийск, безусловно, должен быть укреплен, поскольку это пункт, господствующий над сухопутными и водными сообщениями между побережьем Татарского пролива и р. Амур, точка опоры и промежуточный склад для речной флотилии, призванной действовать не только по р. Амур, но и по системе протоков и озер, расположенных в окрестностях Софийска и способных облегчить противнику переброску своих мелких лодок и иных боевых средств с побережья на р. Амур. «Таким действиям противника наша речная флотилия, опираясь на Софийск, могла бы противодействовать с большим успехом». Однако и в этом вопросе, «полное отсутствие подробных карт лишает возможности наметить здесь оборону хотя бы с некоторою долею полноты. Приходится ограничиться предположением, что здесь возможно организовать кинжальную оборону реки, с прикрытием ее одним вполне самостоятельным долговременным фортом, при гарнизоне в один батальон пехоты и при шести 6-дюймовых новейших пушках в башнях и проч., с затратой на это до $5\,000\,000\text{ руб.}$ », фантазировала комиссия при полном отсутствии на руках необходимых географических данных.

Укреплению р. Амур у Малмыжа, который обеспечивал Хабаровск с тыла в случае овладения противником всем нижним течением р. Амур, придавалось особо важное значение. В то же время на этом вполне можно было сэкономить, что и решили сделать, «так как при наличности долговременной обороны у Николаевска и Софийска есть полное основание рассчитывать на достаточное время, после начала военных действий, для соответствующего временного обеспечения обороны реки у Малмыжа, то признается возможным и достаточным заблаговременно устроить только кинжальную оборону реки и построить здания

для жительства гарнизона, на что потребуется до $500\,000\text{ руб.}$ Что же касается остальных фортификационных сооружений, то принимая во внимание, что, как сказано выше, конструкции их предполагается дать характер временных построек, то возведение их в мирное время признается излишним, необходимо только иметь заранее выработанные проекты укреплений, – дорог, вырубов лесов, установки средств для телеграфирования и проч., которые будут приведены в исполнение с объявлением войны» [18. Л. 26 об.].

Намеченные, таким образом, для обороны низовьев р. Амур мероприятия военного ведомства требовали постоянных гарнизонов для укрепления Николаевской группы в 3 батальона пехоты и для Софийска в 1 батальон пехоты при общих денежных затратах до $20,5\text{ млн руб.}$ Важно отметить, что, рассчитывая численность гарнизона фортов, члены комиссии достаточно четко отдавали себе отчет в том, какими силами Приамурский военный округ будет реально располагать для защиты указанной территории. «Нельзя думать, – писал А.П. Вернандер, – чтобы, при современном положении наших сил на Дальнем Востоке, для обороны нижнего течения Амура можно было бы выделить более живых сил, чем это мы сделали в минувшую Русско-Японскую войну, т.е. чтобы для низовьев Амура можно было бы выделить более 9–10 батальонов. Определяя на гарнизоны Николаевска и Софийска 4 батальона, у Командующего отрядом на низовьях Амура останется еще от 5–6 батальонов, не привязанных к укрепленным пунктам и способных нести на реке и на ее берегах разнообразную службу по разведке, по устранению попыток мелких неприятельских отрядов утвердиться на берегах реки и т.п.» [Там же. Л. 26 об.–27].

После окончания работы комиссий и подготовки всех необходимых материалов обсуждение обороны низовьев и устья р. Амур снова вернулось в Особое Собрание, которому предстояло разработать итоговый доклад для председателя СГО – великого князя Николая Николаевича-младшего.

Таким образом, если вопрос об эффективности деятельности СГО по-прежнему остается открытым, а исследователи в большинстве своем склоняются к отрицательным оценкам этого органа, то как минимум часть образованных при нем вспомогательных органов была сформирована из компетентных специалистов и действительно работала, причем достаточно эффективно. Это относится как к Особому Собранию по обороне низовьев и устья р. Амур, так и, особенно, к двум комиссиям, специально сформированным для проработки различных вариантов сухопутной и «флотской» обороны указанного района.

Последние, по сути своей, были органами межведомственными, так как включали в себя представителей как Военного, так и Морского министерств, деятельно трудившихся над решением одной проблемы. И это несмотря на то, что отношения между этими ведомствами накануне Первой мировой войны складывались далеко не безоблачно. Особенно в связи с хроническим недофинансированием армии при чрезмерном увлечении Николая II «маринизмом» [15. С. 83–103, 106–111, 125, 146–160, 350–351]. Од-

нако как только появлялось осознание серьезной, пусть и локальной, проблемы, которую можно решить только совместными усилиями, часть трений все-таки отходила на второй план. Защита входа в р. Амур являлась именно такой проблемой, осознанной обоими министерствами еще во время захвата Японией южной части о. Сахалин, которой во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. не смогли воспрепятствовать ни армия, ни флот.

Проведенное исследование показало, что распространное в военно-морской историографии утверждение о том, что СГО 5 июня 1906 г. «принял решение о создании Амурской флотилии» [25. С. 117–119], является по меньшей мере не совсем точным, так как изначально речь шла именно о комплексном решении проблемы. Речная флотилия была *лишь одним* из элементов этого решения, однако поскольку именно данный элемент был в наибольшей степени реализован на практике, то он и оказался лучше всего изученным. Остальные, а именно фортификационная оборона низовьев р. Амур, вообще оказалось практически полностью за пределами внимания исследователей. Между тем уже на стадии проработки различных вариантов концепции оборонительного строительства в этом районе специальной комиссией были предложены поистине уникальные проектно-фортификационные и инженерно-технические решения. Идея организовать оборону р. Амур, построив в разных стратегически важных пунктах, для уничтожения кораблей противника, несколько групп кинжальных батарей, вооруженных 6-дюймовыми пушками Канэ, прикрытых с тыла от возможной атаки неприятеля специально введенными для этой цели пехотными фортами, да еще и вооруженными шестью 6-дюймовыми «пушками

новейших образцов в бронебашнях», причем в комплексе с торпедными аппаратами (аппараты для стрельбы минами Уайтхеда) для дополнительного перекрытия фарватера реки, является, по сути, новым словом в отечественной фортификации. Ничего подобного в стране для обороны рек никогда прежде не строилось, не проектировалось и, скорее всего, даже не продумывалось. Во всяком случае, до настоящего времени исследователям не были известны даже замыслы подобного строительства, так и не реализованного в итоге на практике. Это еще раз подтверждает наличие прогресса фортификационной мысли в Российской империи накануне Первой мировой войны.

Следует также подчеркнуть, что на стадии проработки в комиссиях и в Особом Совещании предполагалось, что вся эта система «неподвижной обороны» будет функционировать в комплексе с «подвижной обороной», т.е. Амурской речной флотилией, осуществляющей активные действия не только непосредственно на р. Амур, но даже в Татарском проливе. В то же время проектируемые меры не вполне отвечали реальной военной необходимости, поскольку комиссии не хватало элементарных географических данных, в отсутствии которых были виноваты несколько ведомств и лично руководство государства, поскольку для всякой империи изучение своей территории – это ключ к ее сохранению и удержанию. В Российской империи прекрасно умели организовать подобные исследования, но внимания этому уделяли явно недостаточно. Государству не хватало прежде всего знаний о собственной стране, а также инфраструктуры, без должного уровня развития которой при российских масштабах вообще была немислима какая-либо оборона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты до 14 февраля 1918 г. приведены по Юлианскому календарю, т.е. по старому стилю, за исключением отдельных случаев, когда речь идет о внешнеполитических событиях и в скобках приведена дата по Григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шварц фон А., Романовский Ю. Оборона Порт-Артура. СПб., 1908–1910. Т. 1, 2.
2. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны : в 9 т. СПб., 1910. Т. 1–9.
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток : Дальнаука, 2013–2016. Ч. I–IV.
4. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М. : Торговый дом Алгоритм, 2015. 496 с.
5. Dyskant J.W., Michalek A. Port Artur – Cusima 1904–1905. Warszawa : Dom Wydawniczy Bellona, 2005. 448 s.
6. Самарин И.А. Оборона устья Амура в годы Русско-японской войны // Краеведческий бюллетень. 1997. № 4.
7. Горнова М.И. Роль Николаевской-на-Амуре крепости в обороне Дальневосточных рубежей России во второй половине XIX – начале XX в. // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (VII Крушановские чтения, 2011 г.). Владивосток : Дальнаука, 2013.
8. Горнова М.И. Структура обороны Нижнего Амура (на примере Николаевской-на-Амуре крепости) // Восьмые Гродековские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им Н.И. Гродекова, 2015.
9. Росписание сухопутных войск. Исправл. по 25 декабря 1884 г. СПб. : Военная типография, 1884. 394 с.
10. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. СПб. : Наука, 1998. Т. 1. 302 с.
11. Высочайше утвержденное 8 июня 1905 г. Положение о СГО // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ РИ III). СПб., 1881–1913. Т. 25, № 26374.
12. Именной Высочайший указ, данный Сенату об упразднении СГО и созданной при нем канцелярии. 12 августа 1909 г. // ПСЗ РИ III. Т. 29, № 32475.
13. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3: 1881–1915 гг. М. : Голос, 1994. 352 с.
14. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
15. Шапило К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
16. Авилов Р.С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 г.) // Русский Сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2016. Т. XIX.

17. Мильчук (Макарчук) О.И. Динамика дальневосточных позиций Российской империи в контексте конкуренции с Японией // Право и жизнь. 2008. № 119.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457.
19. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск ; Москва : Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
20. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. VIII. Бар реки Амура и его нижнее течение. С кратким очерком прилегающих морей в связи с экономическим развитием Приморской области / сост. П.П. Чубинский. Ч. 1–2 : Чертежи. СПб. : Типо-литография С.М. Муллер, 1905.
21. Лоща северозападной части Восточного Океана. Ч. 1–4, изд. 1907 г. СПб. : Главное гидрографическое управление Морского министерства, 1901–1910.
22. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. XIII: Река Амгунь. СПб., 1906. 57 с.
23. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1905 г. СПб. : Военная типография, 1907. 191 с., прил.
24. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 г. СПб. : Военная типография, 1916. 63 с., прил.
25. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925) / И.Ф. Цветков. СПб. : Судостроение, 1995. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2017 г.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE DEFENCE PROJECT OF THE LOWER AMUR AND ITS MOUTH IN 1906–1914. PART I. THE COMMISSIONS OF THE SPECIAL CONSULTATION OF THE STATE DEFENCE COUNCIL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 36–49.

DOI: 10.17223/15617793/415/6

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation); Scientific Library of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Priamurskiy Military District; Amur River; Nikolaevsk Fortress; State Defence Council; Russo-Japanese War of 1904–1905; I.M. Dikov; A.P. Vernander.

Using sources from the NA RF, this article first examines the history of creating the defence project of the Lower Amur and its mouth in 1906–1914. There was investigated the defence problem of this secondary theater of the operations in the new war with Japan which was expected and the history of the elaboration in 1906 in the Commissions of the Special Consultation of the State Defence Council of a new defence project of the Lower Amur territories. The Commissions' decisions were the keystone of the defence conception of the territory before World War I. The study of the problem showed the almost unknown part of the administrative machine's supporting agencies that were formed in the State Defence Council to solve specific problems. It was determined that part of these supporting agencies in the State Defence Council included highly competent professionals and worked rather effectively. Among them was the Special Consultation for the defence of the Lower Amur and its mouth, particularly, two Commissions, formed for to confer different variants of ground and "navy" defence of this territory. The Far East had three Russian fortresses: Port Arthur, Vladivostok and Nikolaevsk. The history of the latter is still unknown for the scholars. At the same time the Nikolaevsk Fortress was very important for the defence of the Lower Amur and its mouth against the probable foe attack and the entry of the enemy fleet to the river, which was the most important transportation line. The common statement that on 5 June 1906 it was decided to form the Amur River Fleet is a mistake, because a complex defence solution was developed. The River Fleet was *just one of its elements* mostly implemented later. At the stage of elaboration of different versions of defence building, the special commission proposed truly unique fortification and engineering decisions: to build close-range batteries with infantry forts armed with 6-inch "guns of the modern system in turrets" at the rear. The designed measures were not fully adequate to the real military needs, because the commission had no elementary geographical data, and several ministers were responsible for it. There was no sufficient information in the Empire about its own lands and infrastructure, without it defence in the Russian scope was unthinkable. The archival materials about the elaboration and discussion in the commissions of the complex project of "mobile" and "immobile" defence of the Lower Amur and its mouth, about the unique ideas of fortification building near Khabarovsk, Nikolaevsk and Sofiysk are first published.

REFERENCES

1. Schwartz, A. von & Romanovskiy, Yu. (1908–1910) *Oborona Port-Artura* [Defence of Port Arthur]. Vols 1, 2. St. Petersburg: T-vo khudozhestvennoy pechati.
2. Anon (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russian-Japanese War of 1904–1905. The work of military-historical commission for the description of the Russian-Japanese war. In 9 vols]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
3. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013–2016) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: troops, fortification, events, people]. Vols 1–4. Vladivostok: Dal'nauka.
4. Ayrapetov, O.R. (2015) *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: voenno-politicheskaya istoriya* [On the way to ruin. Russian-Japanese War of 1904–1905: Military-political history]. Moscow: Torgovyy dom Algoritm.
5. Dyskant, J.W. & Michalek, A. (2005) *Port Artur – Cusima 1904–1905*. Warsaw: Dom Wydawniczy Bellona.
6. Samarin, I.A. (1997) *Oborona ust'ya Amura v gody Russko-yaponskoy voyny* [The defence of the mouth of the Amur River during the Russian-Japanese War]. *Kraevedcheskiy byulleten'*. 4.
7. Gornova, M.I. (2013) [The role of Nikolaevsk-on-Amur fortress in the defence of the Far Eastern borders of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhsivilizatsionnom i obshcherossiyskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Pacific Russia in the all-Russian inter-civilization space: past, present and future]. VII Krushanov Readings. 2011. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).
8. Gornova, M.I. (2015) [Defence Structure of the Lower Amur (Nikolaevsk-on-Amur fortress)]. *Vos'mye Grodekovskie chteniya* [Eighth Grodekov readings]. Proceedings of the international conference on 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy muzey im N.I. Grodekova. (In Russian).
9. Anon. (1884) *Raspisanie sukhoputnykh voysk. Ispravl. po 25 dekabrya 1884 g.* [Schedule of ground troops. Amend. on December 25, 1884]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

10. Raskin, D.I. (1998) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii 1801–1917 gg.* [Superior and Central State Institutions in Russia, 1801–1917]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
11. Russian Empire. (1905) Vysochayshe utverzhdennoe 8 iyunya 1905 g. Polozhenie o SGO [Regulations on the State Defence Council approved on June 8, 1905]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. III:25. 26374.
12. Russian Empire. (1909) Imennoy Vysochayshiy ukaz, dannyy Senatu ob uprazhnenii SGO i sozdannoy pri nem kantselyarii. 12 avgusta 1909 g. [The Supreme Decree to the Senate on the Abolition of the State Defence Council and its Office. August 12, 1909]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. III:29. 32475.
13. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. Vol. 3. Moscow: Golos.
14. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
15. Shatsillo, K.F. (2000) *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy voyne. Generaly i politika* [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and politics]. Moscow: ROSSPEN.
16. Avilov, R.S. (2016) Voennye reformy v Priamurskom voennom okruge nakanune Pervoy mirovoy voyny (1910 – leto 1914 g.) [Military reform in the Amur Military District on the eve of the First World War (1910 – summer 1914)]. In: *Russkiy Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies in the history of Russia]. Vol. 19. Moscow: Modest Kolerov.
17. Mil'chuk (Makarchuk), O.I. (2008) Dinamika dal'nevostochnykh pozitsiy Rossiyskoy imperii v kontekste konkurentsii s Yaponiei [Dynamics of the Far Eastern positions of the Russian Empire in the context of competition with Japan]. *Pravo i zhizn'*. 119.
18. State Archive of the Russian Federation. Fund 601. List 1. File 457. (In Russian).
19. Shulатов, Ya.A. (2008) *Na puti k sotrudnichestvu: rossiysko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk; Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
20. Chubinskiy, P.P. (1905) *Materialy dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy* [Materials for the description of the history of Russian rivers and improvement of their navigation conditions]. Vol. 8. Parts 1–2. St. Petersburg: Tipo-litografiya S.M. Muller.
21. Anon. (1907) *Lotsiya severo-zapadnoy chasti Vostochnogo Okeana* [Pilot chart of the north-western part of the Eastern Ocean]. Vols. 1–4. St. Petersburg: Glavnoe gidrograficheskoe upravlenie Morskogo ministerstva.
22. Anon. (1906) *Materialy dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy* [Materials for the description of the history of Russian rivers and improvement of their navigation conditions]. Vol. 13. Parts 1–2. St. Petersburg: Tipografiya Uchilishcha Glukhonemykh.
23. Anon. (1907) *Vsepoddannyyshiy otchet o deystviyakh Voennogo ministerstva za 1905 g.* [Report on the actions of the Ministry of War, 1905]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
24. Anon. (1916) *Vsepoddannyyshiy otchet o deystviyakh Voennogo ministerstva za 1912 g.* [Report on the actions of the Ministry of War, 1912]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
25. Tsvetkov, I.F. (1995) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: v 5 t.* [The history of the domestic shipbuilding industry: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Sudostroenie.

Received: 23 January 2017